

«Моя радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!»

Н. В. Гоголь.

ЗАМЕТКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ФОЛЬКЛОРИСТА

Сибирский фольклор, являясь, несомненно, лишь частью общерусской музыкальной культуры, воплотил в себе ее многие характерные черты.

Старинное русское пение исконом веков славилось многоголосным звучанием, отличающим его от традиционного унисонного интонирования мелодии, характерного для музыкальной культуры народов многих европейских стран.

В ангарском старинном пении наблюдается так называемая северная манера с характерным для нее одноголосным зачином, к которому подводится затем голос высокой тесситурой, а затем более низкий, чем зачинающий. У народных певцов этих мест есть четкое распределение обязанностей в многоголосии, которое требует высокой степени профессионализма. Наиболее редкими и ценными стали теперь мастера «выводить», «подголосивать», то есть петь «тонким» высоким голосом. С одной из таких первоклассных певиц мы встретились в селе Кежма Красноярского края.

Арина Васильевна Брюханова любит петь с дочерьми, среди которых есть мастерицы и зачинать, и петь «на низах». Но петь, к сожалению, ей приходится с ними не часто, только когда придут навестить или когда сама поедет в Красноярск. Да и самых старых, родительских песен они еще не знают. 80 лет — возраст немалый и для деревенской жительницы. Все меньше остается сверстников, с кем «поднимались они одной рожей», — умер муж, умерли подружки... И все же Арина Васильевна вместе с Агафьей Николаевной Вороновой несколько вечеров поют нам песни, вспоминая в песнях свою, полную веселья и труда, горя и радости жизнь: «Сызмалешенька

глупешенька девка бывала, за ревнивого канальюшку девка попала,

Не тебе, вор да каналья, мною владати...»

Покачивается тонкой узорчатой паутинкой голос Арины Васильевны, как бы самостоятельно от него выводит уверенным низким голосом зачин Агафья Николаевна. По началу едва можно разобрать текст, настолько сложны и многообразны распевы слогов, обрывы. Пока непонятны отдельные слова, но постепенно к середине песни все становится таким удивительно близким, что просто наслаждаешься красотой, плавностью, пластичностью, лирикой, спокойствием пения.

Потом подружки зачинают следующую песню:

«Ой, не веляты-то Маше за реченьку, Ой, за реченьку Маше ходить.

Ходи-и-ить, да Ой, да, ой не веляты-то Маше-е-е заречина...

О-о-й да ей заречина парня любить...»

И неторопливо повествует песня о любви Машинной к парню, о том, как после побоев слегла она, и только на пятую неделю пошла в зеленый сад гулять, опять по той дорожке, которую проторил ее зареченский парень...

Пение певиц настолько лирично, мягко, что на память приходит сказанное кем-то из наших поселенцев очень точное замечание: «Старики-то раньше на лодках пливут-у-ут, песни кача-ают, заслушаешься, красота кака-а-ая».

Воспоминания об ангарских певцах живы в памяти многих стариков. Акулина Игнатьевна Брюханова родилась в деревне Заимке. Мать была песельницей, ни одна свадьба не обходилась без нее. Люди звали к себе Таисию Артамонову Заборцеву не только за ее без краю и грани протяжные свадебные и лирические песни, а и за доброту ее. «...Уж с чем бы то ни прибегал к бабушке Таисе, она ведь не из кого последнее раздарит. Последнее да разделит, отдаст, покою не знает. Так, когда померла она, так до самой могилы... на руках... несли... за ее добро...», — прерывающимся от волнения и слез голосом говорит ее дочь восьмидесятилетняя Акулина Игнатьевна. И в памяти ее встает последняя встреча с матерью. Жила Акулина Игнатьевна с мужем в Кежме, а мать с братом Ивановым так и остались в Заимке. Едут они на лошадах к деревне, люди побросали все, бегут им навстречу, брат бежит, а мать, старея уже была, увидела их, ползет на коленях по угору, слезами обливаясь и поет:

«Ждала я дружечка на красном крыльчке.

Насилу-то я тебя, дружочек, дождалась...»

От матери научились петь

дочь и сын. Их своеобразную манеру с очень сложным распевом хорошо знают люди. Иван Игнатьевич живет сейчас в Недокуре, Акулина Игнатьевна — в Кежме. Но когда услышат такой дробный, стонущий распев от кого-либо, спрашивают: «А не у Ивана Игнатьевича ли учились, а не у Акулины Шишавячей перенимали?» (Так, до старости помнят люди девичье прозвище Акулины Игнатьевны в родной деревне и здесь, в Кежме).

За ее песни полюбил ее и будущий муж. Ехал на лодке откуда-то по реке, видит девушку с песнями по угору идут, он и говорит: «Вот эту бы, что зачинает, за меня бы...»

Петь Акулина Игнатьевна — мастерица. В девках ни один девичник, ни одна свадьба не

нимании певцов этого поколения песни эти старинные, красивые, что, конечно же, очень просто объяснить. Большинство «молодых» певцов в 20—30-х годах было лет 10—12, и в памяти у них остались воспоминания о буднях, которые по обрядам были значительно беднее, чем жизнь их отцов и матерей. В ангарских деревнях уже не играли свадеб с баней, девичником, венчанием в церкви, гулянием в неделю, с пышным свадебным поездом. Редко можно было увидеть и «караводные» гулянья, правда, большая часть «караводных» песен все же оставалась жить в несколько измененном виде в вечерочных посиделках. Не застали «молодые» и чудесных жатвенных и покосных обрядов, походов с березкой в трицу, общих деревенских праздников под разукрашенным деревом...

Да и были заняты они уже новыми делами. И слышали новые песни, которые в изобилии звучали по радио. Эти песни и стали и они петь

сих деревнях первоклассные знатоки старинного фольклора, которые, к сожалению, обречены на такую печескую судьбу. Об одной такой певице — Татьяне Николаевне Карнауховой, изумительном знатоке «караводного» жанра просто необходимо рассказать. Татьяна Николаевна — уроженка деревни Черновой Иркутской области. Деревни этой давно уже нет, не встретите ее и на картах, она исчезла, как многие ангарские деревни — Соколово, Савино. Деревень нет — а люди остались, люди помнят широкую улицу, дворы и усадьбы, помнят юности, друзей и подруг.

Татьяна Николаевна сохранила воспоминания о «караводных» играх, на которые собирався «молодняк». «Летом каждый вечер бежали на лужок. Я зачинала все караводы. Водили каждую — по-своему... Ходили порядком, кругом, змейкой, воротца делали», — рассказывает певица.

«А как это, порядком?» — спрашиваю я. «А станут дев-

поминания о нем, выходя из глухой таежной деревушки Карамышевой на реке Кове, о песнях, которые зачинал он, сохранились среди родственников, соседей. «Любил петь... соберет нас, зачет песню, а мы — за ним... Много пели, да не думали, что сами без него петь не сможем. И слов даже не списали», — сокрушенно говорит его дочь.

Вечерами приходит женщины в клуб отвести душу в песнях. Молодые, еще звонкие голоса выводят, зачинают и выстраивают «на низах» другие песни, в которых не услышишь уже «про паву, сыскасаенького голубочка, про усыпанную яблоками яблоню, про бурю, ветры буйные...» Это уже песни другого времени, другого поколения. Их поют те, кому сейчас 50—60 лет. Но как сильно отличаются они от песен их родителей! Герои этих песен все больше страдают от неразделенной любви, от ревности, измены, погибают от рук злодеев, разбойников, бродяг... В песнях этих есть налет мечтательства, пошлости... Распевы мелодий по сравнению со старинными почти незначительны, не придется вам ломать голову и над тем, чтобы разобрать текст, — каждая строка выносится целиком в одноголосный зачин. Кстати, сильно отличается стиховая основа. Она не только родственна профессиональной, рифмованной, но в песнях часто используются самые настоящие стихи различных поэтов.

Вот, к примеру, одна из таких песен:

«Что ты, девка, поздно ходишь До двенадцати часов, На кладбище к нам заходишь. Не боишься мертвецов...»

И затем подробно и дотошно будет говориться в песне о том, что «похоронен милый с подругой девушки, что памятник там тяжелый — 97 пудов, что весь он облит серебром, которое ярко пылает и освещает мертвецов...»

Это песни, в которых уже врывается натурализм, бытописательство.

Поют по Ангаре сейчас и жестокую балладу об убийстве сестры старшей сестрой:

«По матушке по Волге плывет новой стружкой; поют про Ваньку Ключника, злого разлучника, про оставленную разлученным Катю-Катерину, купеческую дочь... С чувством распевают романсы «Не болей бы грудь, не страдала душа, полюбил я ее, полюбил горячо», «Очаровательные глазки, очаровали вы меня», «Где ж эти лунные ночи, где ж это пел соловей, где ж эти карие очи, кто их ласкает теперь...»

И слушая эти песни, которые исполняют поют, конечно же, искренне, самозабвенно, со слезами, с надрывом, невольно задаешь себе вопрос: что произошло, как могли измениться вкусы людей, как могли они променять бесконечную в своей поэтичности прелесть старинных русских иносказаний, недомолавок, чистоту и богатство образов на вульгарную, подчас лишенную стеснения, слезливость и сентиментальность?

И снова, и снова вспоминаются образы слышанных мною девичьих, старинных протяжных, «караводных» песен. Вспоминается необыкновенная красота свадебного пения, забываемая «без вихорю, без ветричку»:

«Ох без ветричку, без вихорю

Ведь оне воротечика, оне открывалика,

Оне ведь широкия-то двери на петьлячках.

Он приехал, Он ведь-разоритель мой.

Ох оны же погубитель мой. Берегите меня,

ах вы, берегите меня, подруженьки,

оух, сберегите меня, возлюблены...»

Вспоминается и лицо певицы — старое, потрескавшееся от времени темное лицо крестьянской женщины, ее изработанные руки с выпирающими на пальцах суставами. И вспоминаются ее бесконечно счастливые глаза, счастливые оттого, что есть еще в душе силы — поведать всем о том, что знает она сама, знали ее предки и предки предков. Эта женщина сохранила в себе не только песни, но и мудрую простоту, доброту, человечность русского народа; простоту и искренность отношения к жизни и всему живому.

Все меньше и меньше старинных песен можно услышать на Ангаре. Каждый год уносит от нас ангарских старожил, и поэтому мы торопимся поспеть за временем, и каждое лето отправляемся в новую экспедицию. И, прикасаясь к тем богатствам, которые еще можно взять из теплых старческих рук, в их песнях, богатых речи, мы сами становимся богаче, мудрее, потому что нам открывается и говорит с нами прекрасная душа нашего народа.

Л. МУХОММЕДИНА.

Фото Ф. МУХОММЕДИНА.

Песни над Ангарой

Арина Васильевна БРЮХАНОВА.

Татьяна Николаевна КАРНАУХОВА.

Акулина Игнатьевна БРЮХАНОВА.

обходились без нее в Заимке. Зачинала свадебные песни, пела их и с матерью. До сих пор в памяти живы воспоминания о женитьбе брата, о том, как вдвоем с матерью несли они курник (свадебный пирог), который подавали в Заимке на третий день гуляния в доме жениха и которым оно по традиции заканчивалось.

«Мама неслла курник на голове, — говорит Акулина Игнатьевна, — а я — вина четверть... Шли в ряд... Пели вместе с ней: «Как по морю было по синему». Шажок шагнем... и стоим, пока не споем, что положено. А идти — из кути да к столу... Так вот пели и потихоньку переступали. Песня долгая, слушали нас внима-ательно...»

И она вдруг запекает, как всегда, безо всякого перехода: «По морю было по синему Повадилась девка ко купцам она ходить,

Ко торгошичкам, Во игры играть

во немецкия... Выиграла красная девица

Она у нас три корабличка, Уж он первой-от корабличек,

Как стрела, у нас летит. Уж он второй-от корабличек,

Как сокол, у нас летит. Уж он третий-от корабличек

Искал себе он присталицу Крутой бережок,

желтой песок...»

Песня долгая, текст увит такими распевами, обрывами, вставками, такой чудной красотой, что просто удивительно! Какая арханка, какая старина, какая мудрая простота и невыразимая сложность одновременно! Больше четверти часа длится этот распев, больше четверти часа я сижу и наслаждаюсь этим сказанным счастьем.

Счастлива и Акулина Игнатьевна. Она сразу повеселела, помолодела, стала охотно и бойко говорить о песнях. Даю послушать ее песню, которую только что записала на магнитофон, и она не просто слушает свою песню, а поет и поет не то, что пела только что, а выводит к своему же зачину верхний голос, выводит инстинктивно, так как в ее понимании одноголосного пения быть не может.

В песнях поздних, «молодых», как называют их сами ангарцы, уже не встретишь такого богатого распева, не услышишь сложного многоголосия. Эти песни некоторые певцы могут спеть и одни, без партнеров. А кое-кто из них с досадой заметит: «Да это песня молодая, сидяча, при гулянке, вам таку и не надо небось?». Старики такие песни поют обязательно с некоторой оговоркой, зато «молодежь» — певцы в возрасте 50—60 лет, знают в основном именно «новые» песни — романсы, баллады, торельные, застольные песни и поют их с большим удовольствием. В по-

потом в клубной самодеятельности, вернее, как тогда говорили, — в «народных домах». И так получилось, что родители, деды и бабушки их унесли с собою в могилы несметное богатство.

В ангарских деревнях поют теперь редко, только когда соберутся на семейное застолье или на праздник. Совсем молодые девушки и парни знают только песни современные, которые слышат в кино, по радио, по телевидению. Во многих домах есть магнитофоны, проигрыватели. Но, к сожалению, не часто задумываются молодые деревенские и сельские жители над тем, что есть ведь у них свой клад, свое богатое наследство, которое сохранили для них и для их потомков уже дряхлеющие сибирские старожилы. И выходит так, что не с кем петь старикам (даже среди своей родни) свои песни, а сверстников остается все меньше и меньше...

«Каю я вам теперь одна напую, — говорит одна из наших песельниц, — одной песню старинную не поднять. Вот бы пораньше приехали... Умерли мои подружки — одна в апреле, другая — в июне. Уж мы с ними и пели, уж и пели... А одной мне теперь не поднять, да и негоже это, надо чтоб все было справно...»

И остаются в деревнях певцы, которые страдают от своего исполнительского одиночества, страдают и оттого, что не смеют они нарушить святой завет своих предков — петь так, чтобы душа радовалась, чтобы «лестно было послушать». Сокрушенно разводят старики руками после того, как поговоришь с ними: «Вот бы на голоса спеть, на голоса-то она хороша была б...»

По-разному складывается судьба народных певцов. Некоторые из них просто обречены на исполнительское одиночество в силу объективных причин. Так, например, известно, что народное пение отличается чрезвычайной сложностью, и люди, владеющие этим мастерством, — самые настоящие профессионалы. Кроме того, певцы не могут петь с любым исполнителем, который может, и хорошо поет, но воспитан в другой манере.

Известно, что особенность вообщего русского народного певческого искусства заключается в варианности. Так, в каждой деревне могут знать одну и ту же песню, но исполнить вместе ее певцы из разных мест, часто даже из соседних деревень уже не смогут. Слишком различны и мотивы, да и нельзя исполнить ее сразу. Обычно народные ансамбли складываются в течение пятидесяти — шестидесяти лет, знают друг друга и песни «как пальчики свои».

Вот поэтому есть в ангар-

ки в один ряд, парни — в дружкой, каждый против своей пары. Специально становились, чтобы поцеловаться. Редко как караводна без поцелуя игралась. Ходили порядками долго-долго, пока всем не припоем. Скажем, десять пар, так десять раз и поем ее сначала до конца. Вот, к примеру, «Горошек» как играли. Припевать начинали с крайнего парня и девки. На словах:

Кому пирог исть? — Михаилу еще Федоровичу.

С ком его исть? — Ох, с Татьянушкой

с Николаевною...»,

подходит ко мне мой парень. А как запоят:

«Пирог белой, пригорелай, Призасушаны края» —

и расцелует... А были и такие песни, которые не повторяли, коротки, для отдыха...»

И запекает Татьяна Николаевна следующую «короткую»: «Я катю кольцо, золото кольцо». Разливаются серебряными колокольчиками повторы мелодии, встают перед мной картины удивительно лиричные, целомудренные.

Встретив такую певицу, мы вдруг еще острее почувствовали, как хотели бы сами побывать на зеленых, покрытых травой деревенских улицах, услышать пение молодежи, посмотреть на покачивающиеся в плавном шаге круги, порядки «караводов»...

Увы, теперь не увидеть в деревнях всего этого, и даже в бабушкиных сундуках не отыщете вы старые свадебные пары с прошивочками, нижние юбки в несколько полотнищ, кожаные ботинки, которые покупались один раз — на всю жизнь...

Кажется, неуютно стало старикам в их родных деревнях, среди построенных по-новому домов, улиц, перерывных колесами грузовых машин, чужих, «пришлых» людей, приезжающих издали работать в химлесхозах и леспромхозах. Не всем им дороги старые песни, в которых высказывал себя русский мужик, пришедший в эти дикие таежные места триста лет назад...

Нынешние 80-десятилетние старики и старушки донесли до нас то, что смогли уберечь за свою полную перемену жизни, донесли... А силы их уже на исходе, все чаще можно услышать от них такое: «пела в молодости, а теперь-то голос не стижет, душа уж коротка, не поднять мотив никак, стары стали...»

А где же молодые, где дочери, сыновья, внуки и внучки? Кому же петь теперь эти старинные протяжные песни, кому выводить и качать бесконечные, суровые напевы?

Всего два года назад не стало прекрасного певца Федора Ивановича Перфильева. Вос-